

„ЧЕРШАМБЕ„

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Бѣдный Сеить-Яя. Я помню его доброе лицо въ глубокихъ морщинахъ, сѣдѣющую бороду, сгорбленный станъ и необыкновенную худобу, и какъ онъ подзывалъ, бывало, меня, когда я проходилъ, мальчикомъ, мимо его сада, чтобы выбрать мнѣ самый крупный бузурганъ или спѣлую сладкую рябину.

— Ничего, кушай.

И начиналъ напѣвать свою грустную пѣсенку—Чершамбе-Чершамбе.

Всѣ знали эту Чершамбе и отчего поеть ее Сеить-Яя, бѣдный Сеить-Яя, который давно уже не въ своемъ умѣ.

Не помнили, когда пришелъ Сеить-Яя въ деревню. Говорили только, что еще тогда замѣчали за нимъ странное.

Трудно было найти, кто бы лучше его сдѣлалъ прищепъ, положилъ катавлякъ, посадилъ чубуки.

Онъ былъ всегда въ работѣ, рѣдко заходилъ въ кофейню, казался тихимъ, безобиднымъ. Но кто ближе былъ къ нему, хорошо зналъ, какъ умѣетъ Сеить-Яя подмѣтить все смѣшное, и потому многіе не любили его.

Вспоминали, какъ срамилъ онъ почтеннаго Пурамета, который, когда выходилъ изъ дому, всегда трогалъ уголь:—Тронь два раза на всякій случай.

Отворачивался сотскій Аблязь, когда встрѣчалъ Сеить-Яя, потому что, когда умерла его тетка, онъ рассказалъ въ кофейнѣ, какъ были накануне на верхней деревнѣ собаки. Всѣ знали, что это бываетъ, но Сеить-Яя сказалъ громко:

— Умнаго въ сотскіе выбрали!

У Муртазы пала лошадь. Поздравляли Муртазу. Народъ вѣрить, что пожалѣлъ Аллахъ человѣка, если вмѣсто него взялъ лошадь. Ворчалъ Сеить-Яя:

— Мало у Аллаха дѣла, чтобъ заниматься вашими дѣлами. Скоро бублики печь вамъ будетъ.

Качалъ головою мулла:

— Плохо Сеить-Яя кончить, не знаетъ языкъ, что болтаетъ.

И называлъ его дурнемъ, когда услышалъ, что посмѣялся Сеить-Яя надъ пятницей.

Въ пятницу шли пожилые въ мечеть и позвали съ собою Сеить-Яя. Усмѣхнулся Сеить-Яя.

— Идите, идите, я въ среду приду.

— Плохо его дѣло,—сказали старики,—видно, Аллахъ отнялъ у него разумъ. Дурень Сеить-Яя.

И стали люди, кто сторониться, кто потѣшаться надъ нимъ и никто не хотѣлъ отдавать свою дочь за него замужъ.

А время пришло Сеить-Яя жениться, и многіе замѣтили, что сталъ тосковать онъ.

Замѣтила это и хозяйка, у которой Сеить-Яя служилъ въ работникахъ, и рѣшила посватать одну вдовушку изъ казанскихъ.

Не любягъ наши татары чужихъ. У тѣхъ дѣвушки ходягъ открытыми, не стыдятся разговаривать съ мужчинами, городское платьѣ начинаютъ носить.

Но Сеить-Яя согласился.—Хотя и казанская, а женщина. Большой огурецъ, малый огурецъ—все огурецъ.

— Сватай,—сказалъ онъ хозяйкѣ, и вечеромъ пошелъ къ дому, гдѣ жила вдовушка.

Сидѣла вдовушка на порогѣ и жевала мастику. Посмотрѣлъ на нее изъ-подъ рукава Сеить-Яя.

— Хороша, жаль, что не закрывается. Спокойнѣй было бы.

Постоялъ еще, облокотившись о косякъ.

— Когда будетъ ночь, приходи въ хозяйкинъ садъ.

Присвистнулъ и ушелъ къ себѣ.

Не спалъ въ эту ночь Сеить-Яя, не спала и вдовушка. Ворочалась на войлокѣ, вздыхала; ястыкъ жаркой казалась. И когда смолкли голоса на деревнѣ, накинула платокъ и пошла подъ орѣшину.

Подъ орѣшиной свадьбу можно устроить, не то что маленькой женщинѣ спрятаться; однако скоро нашелъ ее Сеить-Яя.

— Буду тебѣ сватать, пойдешь за меня?

Колебалась отвѣтить. Пожалуй, люди засмѣютъ, пошла замужъ за дурня.

Но Сеить-Яя умѣлъ хорошо ласкать; къ тому же принесъ цѣлый платокъ сладкой, съ орѣхомъ, баклавы и не боялся шепнуть на ухо стыдное слово.

И согласилась вдовушка.

— Пойду.

Веселымъ сталъ Сеить-Яя, двойную работу хозяйкѣ дѣлалъ. И думала хозяйка:

— Навѣрно, поладилъ.

А по пятницамъ, когда всѣ татары отдыхали, устраивалъ свое хозяйство; складывалъ соба на дворѣ, чтобы печь хлѣбъ; мастерилъ сарайчикъ для коровы.

— Сѣно гдѣ возьмешь?—спрашивала хозяйка.

— Накошу на Юланчикѣ.

Дивилась хозяйка:

— Да ты въ умѣ ли?

Потому что всѣ знали, какое мѣсто Юланчикъ. Не даромъ люди назвали его Змѣинымъ гнѣздомъ. Въ камышахъ жила змѣя, которая, свернувшись, казалась, копной сѣна, а когда шла полемъ, дѣлала десять колѣнъ и больше. Правда, убили ее янычары. Акмелизскій ханъ выписалъ ихъ изъ Стамбула. Но остались отъ нея дѣтеныши. Потому, что когда принесли въ деревню голову убитой, то она, какъ балахуръ-сипеть, кишѣла змѣенышами. И, когда перепуганные люди разбѣжались въ стороны, полетѣли змѣеныши въ свое гнѣздо и обратились въ джиновъ. Таракташскій джинджи видѣлъ ихъ въ пьяномъ хороводѣ.

И никто не ходилъ на Юланчикъ.

Но Сеить-Яя не боялся.

— Это люди все объ Юланчикѣ выдумали. Никакихъ джиновъ нѣтъ и шайтана нѣтъ, можетъ, ничего нѣтъ.

— Тогда коси себѣ, дурень.

И пошелъ Сеить-Яя на Юланчикъ.

Оттого, что не ходили люди туда, стояла трава по поясъ, а изъ-подъ косы выскакивали зайцы, выпархивали птицы.

— Накошу сѣна, приду охотиться, подумалъ Сеить-Яя. И только подумалъ, какъ увидѣлъ черезъ балку на бугрѣ черную собаку съ хвостомъ вверхъ.

Завыла собака. Передразнилъ ее Сеить-Яя.

— Вой, вой, я тоже умѣю.

И не увидѣлъ ее больше. Но нашла черная туча, закрыла солнце, погнала по землѣ сѣрую тѣнь.

Сеить-Яя рѣшилъ отдохнуть и прилегъ подъ дикой грушей.

— На поль-зимы накосилъ; зайцевъ набью—шубу женѣ сдѣлаю; дичи набью—хозяйкѣ отнесу; хозяйка свадьбу поможетъ справить.

И заснулъ Сеить-Яя, не слышалъ, какъ налетѣлъ изъ Бариколя пыльный вихрь, какъ закрутилъ скошенную траву, какъ завылъ голодною собакой. Показалось только ему, что вдали играетъ музыка.

Открылъ глаза и застылъ отъ ужаса.

Летѣла на него козлиная свадьба. Впереди три горбатыхъ козла, съ человѣчьимъ лицомъ, дудѣли на камышевыхъ дудкахъ; за ними старый козелъ съ вывернутыми рогами билъ въ думбало коровьей ногой. Цѣлымъ стадомъ скакали черные козлы и среди нихъ на верблюдѣ сидѣла-вертѣлась, съ бубномъ въ рукѣ, его невѣста. Хотѣлъ броситься къ ней Сеить-Яя, но замѣтила она это и скрылась въ горбъ верблюда. И завизжали, запрыгали по всему камышу голые цыплята, и почернѣло отъ нихъ окрестное поле, и понеслась свадьба дальше.

Помутилось въ глазахъ Сеить-Яя. Вспоминалъ онъ потомъ только, что позади всѣхъ бѣжалъ горбатый уродъ, кланялся ему и кричалъ оборачиваясь:

— Чершамбе, чершамбе!..

Прибѣжалъ обезумѣвшій Сеить-Яя въ деревню и не нашель своей невѣсты. Ушла куда-то и больше не возвращалась.

Цѣлыхъ двадцать лѣтъ жилъ послѣ того Сеить-Яя въ хозяйкиномъ саду и только по пятницамъ приходилъ въ деревню спросить, не видѣли ли его невѣсты; подходилъ къ мечети и ждалъ, когда выйдетъ мулла. Въ плохой одежонкѣ, скорбный и исхудалый, Сеить-Яя становился передъ нимъ на колѣни и молилъ:

— Сдѣлай такъ, чтобы пятница средой была, тогда найду невѣсту. Вѣдь горбатый джинъ на свадьбѣ кричалъ: чершамбе, чершамбе.

И, возвращаясь къ вечеру въ свой садъ, грустный и сгорбившійся, Сеить-Яя глухимъ голосомъ напѣвалъ свою печальную пѣсенку:

— Чершамбе, Чершамбе.

